Чтобы добраться до дому Маринке нужно было не меньше часа. А что поделаешь? Концы в городе куда больше, чем в её родном посёлке. А нынче ещё и задержали на работе. И на много. Обслуживали нежданно-негаданно свалившийся в их кафе какой-то корпоратив человек в двадцать. Гуляки оказались те ещё! Вот и пришлось бегать с салатами и водкой несчётное количество раз аж до десяти ночи. Пока хозяйка, наконец, учтиво не вытолкала последних гулеванов за двери. В голове до сих пор: «Пьяная, помятая…»

Автобусы, конечно, уже не ходили. Хорошо хоть Петька из кухни пожалел и подвёз до самой речки на своём древнем драндулете. А там через мост и в горку пришлось тащиться одной в темноте под липким апрельским почти осенним дождиком, ступая чуть ли не по колено в жидкое противное месиво.

Как же она устала сегодня! Эти пьяные вопли, идиотская музыка с барабанами, щипки за ягодицы. (Убила бы! Но – терпи для ради чаевых!) Никогда, видать, ей не привыкнуть к ресторанной жизни! Только чаевые теперь очень нужны. Надеялась через год-два вернуться в институт – да какое! Мать пишет, что после смерти отца часто стала болеть, а с последней работы (работает техничкой в школе) её скоро прогонят. Закрывают родную школу, поскольку детей в посёлке почти не осталось. Да и жителей существенно меньше теперь. Уже большая часть домов заколочены стоят. И как ей дальше жить с двумя малыми – она ума не приложит! Пенсия крохотная. Все надежды на дочь да на огород.

В окнах избушек по обе стороны улицы гасли последние тусклые огни. В канавах и отвороченных колёсами буграх грязи исчезали антрацитовые блёски. Мрак становился всё гуще. Но зато никого – слава тебе! – не повстречала на пути: даже монстрам, видать, не с руки шастать по городу в такую погоду!

Вдруг позади ей послышались чавкающие шаги. Не оглядываясь, Маринка пулей рванула к заветной калитке, заскочила во двор и заперла за собой щеколду. Отдышалась, прислушалась – ничего не было слышно. Ни звука. Только в отдалении завыла какая-то собака. Выла долго и противно. Как выли когда-то волки в зимнюю лунную ночь за околицей их посёлка.

Дальше была довольно обширная прогалина двора, сплошь забитая прошлогодним высоченным бурьяном и заваленная кое-где кучами старого хлама, которую она миновала быстрым шагом. И постучала кулаком в двери сеней. Молчок.

«Неужто уплелась куда, старая карга?» – подумала Марина. Но тут ей наконец ответили:

– Хто там? – послышался из-за двери хриплый голос.

– Это я, Марина, ваша квартирантка!

– Ну и где тебя носило? Где шляешься допоздна? По танцулькам да по мальчикам бегаешь?

– Какие танцульки, какие мальчики? На работе задержали!

Послышался скрежет отпираемого замка.

– Заходи, шлёндра. Только ноги как следоват вытирай!

Марина вслед за хозяйкой вошла в дом.

Домишко – старый, с давно некрашеными щелястыми полами, потрескавшейся штукатуркой. На кухне следовало переобуться.

Марина с трудом стащила с себя разбухшие сапоги, как смогла, обтёрла их тряпицей у порога и бухнулась на табурет. Бабка без слов нырнула за занавеску, где она обитала.

У «шлёндры» слипались глаза, гудели ноги, но она заставила себя подняться, сполоснуть руки у рукомойника и налить чаю.

К грубостям хозяйки она уже привыкла. Нет, ну надо же, как меняется человек! Она ведь тоже из их посёлка, землячка. Года два назад приезжала к своим родичам в гости, ну и к ним зашла. Прослышала, мол, что Марина в город собирается на жительство. Так, мол, она ей комнату может сдать. И подешевле, чем все прочие, которые, известно, дерут три шкуры. Так просто, из уважения к Марковым, как старым знакомым. И ни слова, что будет драть по четыре тысячи в месяц за комнату, да что там! Закуток в шесть квадратных метров. И не сказала, ведьма старая, что живёт у чёрта на куличках у яра, и что у неё за огородом совсем близко река подмывает берег, того и гляди – все дома по улице рухнут в тартарары. И что начальство давно уж вознамерилось насельников их куда-нибудь переселить. А денежки-то, полученные с неё за квартиру, складывает за печкою в своей комнатушке да в рост под проценты соседям даёт! Наверное, уже сотню тыщ накопила!

Вообще-то странная она какая-то. Марина быстро поняла, что нарвалась на психичку, с которой приходится делить кров. То Митревна (так звали хозяйку) была как Мёд Медович, обволакивая лаской «бедную сиротинушку», подсовывая ей за ужином свои зачерствевшие шанежки, то накидывалась ни с то ни с сего, обзывая дурой, шалашовкой и даже хуже. Марина едва сдерживала себя в такие минуты. Но чаще хозяйка забиралась в свой угол и по полдня не вылезала из него. Оттуда доносились её песнопения. То жалостные причитания, то «божественные» про Христа, но почему-то на мотив пионерской песни «Взвейтесь кострами». Типа:

Весь мир – отрава,
Вот ты в гробе.
Господи, слава,
Слава тебе.

Сектанткою она была, что ли?

Впрочем, это не мешало ей иной раз надираться до положения риз. Или же глотала какую-то наркотическую дрянь? После чего храпела так, что потолок сотрясался, или дико возбуждалась: орала, материлась – Марина старалась в такие часы удрать куда-нибудь подальше из дома.

Убрав чашку и хлеб, Марина прошла в свою боковушку и закрыла за собой дверь. В комнате её стояли стол, стул, железная кровать с подушками и здоровенным медведем, привезённым из дому. Над столом она повесила полку с книжками, в основном учебниками за второй курс педуниверситета.

Сейчас они ей вовсе ни к чему, но вот не убирает, всё думает, что пригодятся когда-нибудь! Из тетрадки, используемой для писем, торчит конверт: недавно от Мишки письмо получила. Ему ещё до осени в армейке трубить, пишет, что всё у него благополучно.

А у неё каково?

Присела на кровать. Тут неожиданно нечто толкнуло её из живота.

«Ой! – не от боли, а именно от неожиданности вскрикнула она. Пятый месяц, как Мишка, её хомячок, её заинька, отправился служить в армию, пятый месяц её беременности. «Жениха хотела, вот и залетела!» Никто ещё ничего не знает про это: ни мать, ни Мишка, ни на работе тем более. А вдруг хозяйка, узнав, прогонит с работы?

Тут дверь неожиданно открылась, и в проёме появилась разъярённая Митревна – легка на помине!

– Опять ты все огурцы солёные из банки повыловила! В тягостях что-ли?

Покачиваясь, словно пьяная (опять наелась чего-то, сволочь!), она задержала взгляд на Маринкином животе:

– Ну, точно, мячик проглотила! А я всё гадаю: чего это огурцы у меня пропадают? И штукатурка у печки облупилась? А оно вот что! Животик нагуляла. Ну да я этого не потерплю. Выгоню к чёртовой матери вмиг! И ещё родительнице отпишу: так, мол, и так, дочь ваша Маринка – проститутка, под всех мужиков ложилась, залетела вот, забирайте её взад!

– Не смей писать маме! – вскочила Маринка.

– Ах ты, ещё орать на меня вздумала, сукина дочь! Да я тебя сейчас навеки усыплю!

И бабка, скрючив пальцы, как Баба Яга в детской киношке, медленно стала подходить к Марине. Повеяло чем-то замогильным. Та в ужасе задом отступила к печке и, не глядя, стала шарить в куче хлама, валявшейся за занавеской. Рука наткнулась на пестик от ступки, в которой изредка бабка толкла горох, мак и ещё бог знает что. И когда старуха уже потянулась своими костлявыми пальцами к Маринкиному горлу, стукнула её наотмашь пестом по голове. Та немедленно рухнула на пол, задёргала руками и ногами. Маринке показалось, что ведьма хочет схватить её за ноги, и она ещё раз тюкнула её по башке. Старуха успокоилась, и немедленно из её раны потёк ручеёк крови. Пестик тоже был окрашен кровью. Убийца растеряно посмотрела на него, а потом, отбросив в сторону, выбежала на кухню.

«И что же теперь делать дальше?» – минут через пять, очнувшись от ступора, подумала Марина. Мысли запрыгали в голове как зайцы. «Может, убежать? Но нет, нельзя! Найдут ведь, и очень быстро. А вот как: спихну-ка я её в подполье,

закопаю на время в картошку. А здесь всё замою, приведу в порядок».

Так она и сделала. Мокрый от крови половик, бабкин фартук и кофту свернула в узел. На всякий случай пошевелила старуху – но нет, та не подавала никаких признаков жизни. Потом завязала ей голову платком, чтобы кровь не брызгала по сторонам, с трудом подтащила к люку в полу и ногой столкнула в подвал. Затем по лесенке спустилась сама, разобрала часть досок, за которыми лежала картошка, и та с грохотом засыпала труп целиком (запасы у Митревны были солидные).

Вылезла наружу, закрыла люк, забрала узел, вышла из дому на огород и, дойдя до края, кинула его вниз, в пропасть.

Вернувшись в дом, она отдохнула чуток и стала прибираться в комнате и на кухне. Тщательно замыла пол, пестик протёрла тряпкой, поставила на место опрокинутые стулья. «Так, а теперь куда?»

И ей в голову пришла гениальная мысль.

«А что, если к Машке дёрнуть? Та приютит, хотя бы на ночь».

Подруга Машка жила на той же улице через три дома от неё и тоже на квартире. Марина быстро затёрла свои грязные следы на кухне, закрыла дверь на щеколду, обулась и, забрав сумку и куртку, выбралась из дому через окно. Аккуратно прикрыла за собой створки (благо хоть зимние рамы были уже выставлены!) и потихоньку сползла с завалинки на землю. Оделась, отдышалась и пошла к подружке по чавкающей грязи.

Было уже, наверное, далеко за полночь. Долго стучала в окно, чуть стекло не разбила. Наконец в комнате зажёгся свет, створки окна открылись.

– Ты!? Чего стучишься в глухую ночь?

– А ты почему сразу не открываешь? Целый час под твоим окошком пляшу, закалела вся!

– Что стряслось-то?

– Ничего не стряслось. Пришла с работы домой, а старуха мне не открывает. То ли из принципа, что поздно пришла, то ли уплелась куда. Приютишь на ночь?

Машка ухмыльнулась:

– А почему поздно явилась-то? Новую пассию завела?

–Дура! Какие пассии? На работе задержали. Да и куда уж мне теперь? – она ткнула пальцем в свой живот.

– Понятно.

– Да пусти ты меня в дом, наконец!

Машка быстро побежала к входной двери и открыла все запоры.

– Хозяйка больше здесь не живёт, к сожителю перешла. А Мишка-то знает об этом?

– Нет ещё. Всё не решусь ему написать.

– Ну и правильно. Напишешь, а он – чик-чик! – и все порвёт. Это уж известно! И зачем провоцировать?

Зашли в дом.

– Да! А мне Нинка Плотникова на той неделе рассказала, будто бы издали видела его здесь в «Рок-сити». Он что: в отпуск приезжал? Или уже совсем демобилизовался?

–Что…?!

– Ну да. И будто бы в форме и с бабёнкой какой-то незнакомой.

– Какой отпуск?! Не дают им никаких отпусков! Он ведь год всего должен служить! И не видела я его с ноября – до Архангельска пять суток поездом ехать надо! И назад столько же. Кто меня на такой срок отпустит?

– Ну, ну! Что я брякнула? Может, это вовсе не он был, может, Нинке всё привиделось сдуру, мало ли пацанов в военной форме по городу гуляет! Успокойся, ложись-ка вот сюда, на диванчик, и поспи. До утра уж вовсе всего ничего осталось.

Однако ночью Маринке совсем не спалось, несмотря на усталость. Сильно тошнило, и приходилось иногда бегать на двор.

Утром она позвонила на работу и попросила у хозяйки отгул «по семейным обстоятельствам».

– По каким таким ещё обстоятельствам? – строго переспросила та, но на отгул согласилась.

Дальше Маринка решительно села и написала сразу два письма: матери и Мишке в его военную часть, в которых прямо без намёков сообщила о своей пятимесячной беременности и просила совета, что ей делать дальше?

О том, что ей вскоре, может быть, придётся отправиться за решётку, как-то не вспомнила, будто ей всё случившееся прошлой ночью привиделось в страшном сне.

Потом она пошла к Мишкиной тётке, у которой он жил последнее время перед отправкой в армию. «Был ли Мишка в отпуске у неё?» – «Да что ты, Мариночка? Ни о каком отпуске ни сном, ни духом не знаю. И сама понимаешь, какой ему отпуск? Служит без году неделя!»

И только после обеда она отправилась в опорный пункт милиции заявить, что пропала хозяйка.

– Эй, Соловьёв! – позвал милицейский капитан их участкового. – Пойди с Марковой, разберись, куда её бабка делась.

– Митревна что-ли? – переспросил Соловьёв, молоденький лейтенантик. – Ну пойдём. Так куда же она подевалась? Да, заявление напиши.

– Так если бы я знала. Прихожу с работы, стучусь, а дверь не открывают. С утра уже три раза бегала – ни ответа, ни привета. Может, случилось с ней что?

– Ну ладно, пошли.

Милиционер быстро отжал замок в двери топориком. Вошли в дом.

Ничего в комнате не напоминало о случившемся. Мирно стучали ходики на стене. Печка давно остыла, и в помещении было прохладно. Хозяйка отсутствовала. Быстро пробежав глазами по обстановке двух комнатушек и кухни, лейтенант заглянул в старухин закуток. На лежанке валялась открытая старухина шкатулка; содержимое: документы, квитанции, письма были разбросаны по одеялу.

– Вот это да! Был тут кто-то. Искали, и скорее всего – деньги. Были у бабки деньги?

– Откуда мне знать? Наверное, были. Соседям же она часто в долг давала. Под проценты.

– Ну вот, возможно кто-то из соседей и покусился. Да, а бабуся-то где? Может, в подполье спрятали?

У Марины ёкнуло сердце.

Милиционер открыл люк и быстренько стал спускаться по лестнице. Свет он не зажёг, а она не подсказала, где выключатель. И потому участковый лез в темноту. Марина спустилась вслед.

Лейтенант зажег свой фонарик и огляделся. Увидев рассыпанную картошку, ногу поставить было некуда, он замешкался. Тут Марина, ещё недавно выступавшая в школьной самодеятельности, благим матом заорала:

– Крыса, тут крыса! – и пулей выскочила из подвала.

– Где крысы? – растерянно спросил милиционер. Но и он, видимо, не очень жаловал крыс. – А, да пусть тут следователи копаются!

Вылез наружу, присел к столу и долго старательно сочинял протокол дознания. А затем вывел Маринку, запечатал дверь и ушёл по своим надобностям.

Разоблачение на какой-то срок было отодвинуто. Ребёнок в животе у преступницы резвился, как акробат на турнике.

Вернувшись к Машке, Марина стала лихорадочно думать, как же поправить дело? Вытащить бабкин труп из подполья и перепрятать его – ей было не под силу. И она махнула на всё рукой: будь, что будет!

Розыски старухи продолжались ни шатко, ни валко. Маринку дважды ещё вызывали в милицию на допросы. Та писала очередное объяснение о том, что не знает, куда могла деться Митревна. В дом же бабкин никто больше не заходил. Прошла неделя, вскоре удалось договориться с Машкиной хозяйкой об аренде койки всего за три тысячи в месяц. Обитавшая у сожителя, она решила свой дом превратить в общежитие для девчонок.

Ещё через две недели пришли ответы от Мишки и матери. Мишка радовался, как дурачок, будущему ребёнку, называл Марину своей милой женушкой. Мать, конечно, плакалась по поводу предстоящей нищеты, но делать нечего. Звала дочь домой, хотя предупреждала: дома весь их рацион будет составлять капуста и картошка.

Ситуация, как нарыв, вскрылась вдруг. Приехали из Томска племянники Митревны, студенты. Оказалось, что они четыре года ежемесячно получали от неё как стипендию переводы по три тысячи рублей на брата. Родители у них давно померли, и это были едва ли не единственные деньги, на которые они жили. Теперь же парни были в недоумении, деньги больше им не поступали. И куда их благодетельница подевалась, они не знали.

Родственники отправились в милицию и сумели организовать повторный осмотр тёткиной избушки. Вскрыли печать на двери – и сразу всё прояснилось! Бабка вовсе не была святой, и вонь от длительно разлагающегося трупа шибала в нос на пороге.

Митревну похоронили. Племянники на правах наследников перевернули весь дом, но денег, или чего-то ценного так и не нашли. Пустили каких-то новых квартирантов, взяли с них аванс и уехали в свои «Северные Афины» доучиваться.

Однажды под вечер, возвращаясь с работы, она увидела, как к дому, что напротив, подлетел «газик-воронок», из него выскочил наряд милиции и устремился во двор. Милиционеры с пистолетами окружили со всех сторон избушку и вскоре выволокли её хозяина, Валерку Сизова, выворачивая назад ему руки. Это был давний её знакомец, правда, никаких симпатий к нему она не испытывала.

«Что такое? За что это его?»

Вскоре от соседок узнала: за убийство её бывшей квартирной хозяйки. Добровольное признание вины. За деньгами к ней хаживал? Да! Долги не возвращал? Конечно! Вот и прикончил бабку, чтобы деньги не отдавать!

– Били его сильно, признание вышибали, – рассказывала его мать бабам у колонки. Да только не он это сделал. В тот день, когда Митревна пропала, он же пьяный вдрызг у меня на кухне в углу спал, я ж помню. Не верят!

Марина отпрянула и потихоньку отошла от баб.

«Так ему и надо, этому Сизарю!» – думала она. – «Пусть ему выдадут там, в тюрьме, на полную катушку!»

Год назад, когда она ещё всего ничего жила в городе, этот тип подскочил как-то к ней на улице с «предложением»:

– Ну, чито, профурсетка, покувыркаемся нынешней ночью? Я сегодня у тебя первым буду, без очереди.

И попытался схватить её за грудь. Без раздумий, она ткнула его кулаком в жирное брюхо. А тут и Мишка подоспел, саданул дурака в лоб, тот и покатился в траву.

– Шизик-пызик! – объяснил Марине Михаил поведение соседа. – Он однажды по малолетству на год загремел в ко-

лонию за какую-то кражу, а теперь разыгрывает из себя вора в законе. Ничего, больше он к тебе не подойдёт!

И, действительно, Валерка больше ни разу к ней не приставал. Видимо, условные рефлексы вырабатывались в нём раз и навсегда.

И снова никаких новостей. Но уже через неделю зарёванная тётя Нюра рассказывала соседкам, как и что она узнала в милиции. Мол, пришёл Валерка к Митревне за деньгами, а она ему не дала ни рубля. Так он со злости шандарахнул её поленом по голове. А потом нашёл её деньги, в коробке за зеркалом были восемь тысяч, и прикарманил.

«Не восемь, а двадцать четыре! И не за зеркалом, а в сундуке под бельём шкатулка была», – подумала Марина. И чуть не выдала себя. Потому что проговорила это шёпотом. Чуть погромче сказала – и услышали бы бабы.

А теперь она старалась прогнать мысль о том, что кто-то должен страдать по её вине. «Такие гады и должны сидеть в тюрьме, там им и место!» – «А тебе где место? – заговорила совесть». – «Да здесь же, здесь! У меня должны быть ребёнок, семья, достаток!» – «Ну да, ты будешь с достатком, а он за твои грехи в зоне лет двадцать париться!»

И снова она не могла толком спать по ночам. Ей снились то избитый милицией до полусмерти Валерка, то бабка, живая и здоровая, с ручищами, которые она снова тянула к её горлу.

– Что с тобой? – спросила раз Машка, внимательно посмотрев ей в глаза. – Заболела? Или на совести что? Да не спрашиваю я, что там у тебя! А рецепт есть: иди-ка ты в храм. Ты ведь крещёная? Исповедуешься, причастишься, глядишь – и полегчает.

На следующий день, предварительно разведав у церковных старушонок, когда и где исповедуются, она собралась рано утром и пошла в храм.

Когда, накрытая епитрахилью, она призналась попу, что убила старуху, молодой и почти безбородый батюшка в ужасе отшатнулся от неё. Бородёнка колом, глаза – как большие пуговицы:

– Врёшь! То есть – обманываешь! – он действительно не поверил. Видимо, по его молодости с таким грехом к нему ещё никто не приходил. – Что, на смерть?

Марина с грустью посмотрела на него и ничего не ответила.

– И как это было?

Кающаяся коротко рассказала о том, что произошло. И стала повторять, как учили церковные старушки: «Грешна, батюшка, грешна!»

Поп опять накрыл ей голову епитрахилью и громко просипел: Епитимью налагаю на тебя, дочь моя: сто раз прочтёшь «Отче наш». А потом пойдёшь в милицию и признаешься в этом преступлении!

Домой она вернулась нимало не «облегчившись». Из осторожности прочла несколько раз молитву. Но временами, вспоминая испуганную с вытаращенными кроличьими глазами физиономию попа, она начинала истерично хохотать – до слёз. И успокаивалась не скоро, засыпая, обнявшись с подушкой, которая впитывала влагу.

А время шло. Прокручивались как звенья ржавой цепи сутки за сутками. И наступил август, в котором ей нужно было рожать. А до того идти в милицию сознаваться, чего она конечно трусила больше всего.

«Лучше напишу письмо и отправлю его по почте»

Так она и сделала. Ходить на работу ей уже не нужно было. Времени – навалом. И она, засев за кухонный стол (сильно мешал огромный живот), в десять минут сочинила покаянное письмо. А вот отправлять его не стала, положила на полку между книгами.

На следующий день к вечеру, придя с прогулки, она кинула взгляд на то место, где оставила письмо. Конверта не было. Зато на столе лежало другое письмо – от Мишки.

Она разволновалась, скинула все книжки с полки, надеясь отыскать своё послание, но всё напрасно. Разъяснить, куда оно делось, могла только Машка, но та ещё не пришла с работы. Ещё раз обшарив все углы, и не найдя ничего, Марина вскрыла конверт Мишкиного письма, прочла его и остолбенела. Последними строчками его послания было: «Прости, Марина, но так получилось, мы с Наташей уже расписались. Так что домой в ноябре я, видимо, не вернусь…»

Марина тяжело плюхнулась на стул. Слёз не было. Одно оцепенение. Голова соображала плохо. В Мишкино предательство она верила как-то плохо. Взгляд упал на прошлогоднюю фотографию, где их запечатлели на отдыхе в деревне: она смеётся, загорелый до черноты Мишка обнимает её за талию.

«Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец…» – запело внутри.

«Нет, он же не такой! Как это можно? Но ей-то что теперь делать?»

Ни слезинки не выкатилось из глаз.

Запел мобильник.

– Маркова? – послышался голос хозяйки кафе, где работала Марина. – Завтра же выходи на работу. Пятерых уже недосчитываюсь! Работать совершенно некому.

– Да куда же мне работать? Вот-вот рожу! И по закону…

– По закону? Не выйдешь – катись к чёрту с работы! Совсем оборзели работнички! Послышались гудки после брошенной трубки.

Марина просидела в ступоре минут пять.

«Да, а что же она сидит? Ей же в полёт пора! Так, паспорт, билет, деньги – всё на месте», – говорила она себе, перебирая на столе и укладывая в сумку старые газеты. – «Пора».

В это время с визгом тормозов прямо у их калитки вдруг остановился «Бобик», хлопнули дверцы, и из него выскочили три милиционера.

Посмотрев на них из окна и сказав: «А вот и сопровождающие лица», – она, прихватив сумку с газетами, как была в халате и тапочках, выскочила во двор и рванула огородами к обрыву. Её заметили:

– Эй, Маркова! Постой! Куда ты?

Не обращая внимания на окрик, Марина всё быстрее приближалась к страшной кромке обрыва, за которой проступала огромная, слегка дрожащая в зное заречная даль. Она ощущала себя птицей, которая сейчас сорвётся с берега и полетит над речкой, лугом, туда, в счастливую страну вечного блаженства. Но тут внезапно она запнулась о корневище огромного тополя, который не боялся расти у самой кромки обрыва, ударилась как-то боком о землю и стала терять сознание. Ощущалась резкая боль, людские крики и после – плач ребёнка.

«Ребёнок? Откуда здесь ребёнок? Не было никакого ребёнка!» – думалось Марине, совершенно не осознававшей, что это её новорожденный ребёнок. И что в овраг она вовсе не угодила.

Набежала толпа. Кто-то из женщин вызывал по своему мобильнику машину «Скорой помощи».

«Крови, крови-то сколько потеряла!» – « А зачем она к обрыву бежала?» – «Наверное, от милиции прятаться». – «Зачем?» – « Да, видно, есть за ней какой-то грех». – « А!»